

84 (2 Рос = Рус) Б КР

Ш 16

Зоя шадрина

НА ГРАНИ ВЕКОВ

ЧАСТЬ - 3

Каторжанка

*На Руси «люблю» не говорили,
На Руси любимую жалели,
И детей прилюдно не хвалили,
В праздники святые песни пели.*

Невеста

На осенние базары в волостное село Песчаное съезжались из окрестных деревень все, кто хотел продать излишки урожая. Основными покупателями были оптовики. Мужики кооперировались, сговаривались о ценах и стояли за своё добро, политое потом, перед наторевшими на торгах бойкими скупщиками.

Однажды с тятенькой на базар напросилась Марьянка Перепёлкина. Надо было бисеру и ниток для вышивки купить. Надеялась дочь, что с удачной продажи тятенька разорится на бусы, а то и на башмачки. Девчонка заневестилась, ей не так давно перевалило за шестнадцать.

Вдруг Марьюшка поймала пристальный взгляд карих глаз. На неё смотрел парень, что стоял у соседней телеги. Серые ясные глаза девчонки только на миг встретились с глазами парня и прикрылись ресницами. Она отвернулась, почувствовала, как прихлынула горячая волна к щекам и дрогнуло сердечко.

Парень был из другой деревни, Марьюшка не знала его прежде. Но что случилось? Разве не смотрели на неё парни, выжидая ответного взгляда, в котором светилась бы лукавая надежда. Вон Федька Сугробин скоро в бобыли запишется. Старше Марьи лет на десять. На вопросы – чего не женится, отмахивался невесёлой усмешкой: «Марьянку-Перепёлочку дожидаюсь. Как в пору войдёт, так и сватов зашлю». Он специально называл Марьянку Перепёлочкой: вроде и фамилия, а вроде и ласковое прозвище.

А парня звали Викул Тулупин, и жил он в Михеевке. Это от Марьиной Сосновки вёрст восемь будет. Девчонка забыла бы, наверное, парня, смутившего её заинтересованным взглядом, если бы через неделю после их встречи он вдруг не нагрянул с двумя своими дружками в Сосновку на вечерку. В деревнях чужаков не любят, потому что чужак самую лучшую невесту высмотрел и пришёл показать себя, а если надо,

- 129562 -

то и силой помериться. Нередко уходил такой не солоно хлебавши, но зачастую своего добивался, особенно, если и девице чужак по нраву приходился и родители меж собой общий язык находили.

Вот и в этот раз михеевские парни едва ноги унесли, но не успели пройти синяки и ссадины на лице Викула, как он вновь появился на вечерке в Сосновке, Марья поймала себя на мысли, что ждала этой встречи, её глаза подали надежду Викулу, и тот решил стоять насмерть за приглянувшуюся ему сероглазую девицу-красу. К тому времени он уже знал, кто она, из какой семьи.

Не свинцовые кулаки Викула, и не угроза поднять михеевских парней против сосновских заставила Фёдора Сугробина отступить. Кулаки у Федьки тоже вес имели немалый. Увидел он в Марьиных глазах осуждение, и слово от неё услышал твёрдое: «Что же ты меня-то, Фёдор, не спросишь, аль я уж совсем бессловесная, аль я сама не могу себе суженого выбрать?».

Опустил взгляд Фёдор перед чистым взором Марьюшки-Перепёлочки. Сугробины жили небедно. Старшие братья Фёдора обзавелись своими семьями, да и младшие сёстры, минуя старшего брата (не в девках же из-за него сидеть) вышли замуж и плодили детей. Только Фёдор всё ждал свою Марьюшку. И вот враз погасло солнце красное. Как жить после этого?! Но и силой мил не будешь.

Знал это Федя, от этого ещё тошнее становилось. Не подлец и не насильник он. В прорубь головой? Не выход это для парня – позор. А душа корчилась от несправедливости. Ну почему? Чем хуже он, Фёдор Сугробин, этого Викула? Поймал он ещё раз михеевского старовера, спросил-пригрозил в упор: «Не отступишься? Моя она! С малых лет оберегал от других, ждал, когда в пору войдет! Откуда ты на мою голову взялся!?».

Молча слушал Викул соперника, взгляд исподлобья не опускал: значит твёрдо решил не отступать. Понимал он Фёдора и зла на него не держал, даже жалел, но Марьюшкины глаза светились в душе, согревали надеждой на взаимность. Отступил Фёдор.

На вечерку в деревне девки и парни собирались, как солнышко закатится. Вначале в дом к одиноким старикам, что отдавали жильё для веселья молодым, сходились «большие девки», те, что на выданье, и отроки обоего пола, которым перевалило за десять. Девки шли с прялками, с куделью. Чуть позже в избу собирались парни, вели разговоры, угощали девок семечками, конфетками и пряниками.

Вскоре мелюзгу выдворяли потихоньку. Настырная «поросль» ещё долго околачивалась в сенях, во дворе, заглядывала в окна. Кто-нибудь из парней выходил в сени и во двор, одаривал подрастающих невест

конфетами, шутливо ловил их в потёмках, и те с визгом и шумом разбегались по домам, а то за поздний приход и от матери и затрещину можно получить, и отец не похвалит.

А в избе уже тренькала балалайка, а то и гармошка. Прялки составлялись в угол, и первые смелые пары отплясывали кадрили, за ними вступали и остальные. Боялись матери, когда дочь рано уходила с вечерки с кавалером. На глазах у всех многого себе не позволишь. А там, у плетня деревенской улицы, освещённой только призрачным светом луны или в сенях? Остерегали матери взрослеющих дочерей и боялись позора: сами прошли через томительное желание перешагнуть порог недозволенного, забыться в жарких объятиях парня, целующего сладкие девичьи губы. Особенно летом. Никакая работа не могла заглушить желания молодых собраться вечером на весёлые посиделки. Даже восемь вёрст каждый день после несладкого крестьянского труда не останавливали Викула. Он уже не мог жить, чтобы не видеть Марьюшку. Однажды шепнул на ушко: «Я завтра не приду: с отцом на мельницу поедем. Послезавтра скажись дома, что помогать Анне с Параней будешь и ночуешь вместе с подружками. Остайся ночевать у стариков. Я приду, может, поздно приду – дождись меня. Не бойся, я беды не сделаю. Шибко охота поговорить с тобой, никак не дают нам свидеться вместе».

Викул говорил сбивчиво, волновался. Волнение передалось и Марьюшке. Она уже не слышала и не видела ничего, сердце почему-то бухало у самого горла. Им и правда не пришлось ещё не разу остаться наедине. С вечерок уходили шумно, парни провожали девчат до ворот. Свои деревенские парни хоть и признали чужаков, но зорко следили, чтобы те соблюдали правила приличия, чтобы знали своё место.

Старики Мокей и Федосья Першины, потеряли единственного сына на Крымской войне в 1855 году. Две дочери вышли замуж в другие деревни, и опустела большая изба-пятистенка. Уж больше десяти лет прошло, как остались старики одни. Рядом жил сын брата, и его дочери-погодки, Анна и Параня, девицы семнадцати и восемнадцати лет, уговоряли стариков пускать молодёжь на вечерние посиделки: им весело и молодым есть где кадрили сплясать зимой.

На следующий день Марьюшка на вечерки не пошла, сказала, что выспаться надо. А на следующий день ходила сама не своя: не знала, как матери сказать, что хочет ночевать не дома, хотя и не было в этом ничего зазорного. Девки убирали в избе стариков поочерёдно, бывало и ночевали там: не бежать же затемно домой одним. Матери, конечно, догадывались, что под ночевкой не дома кроется нечто большее, но что делать? Такова жизнь, помнили женщины и свою молодость, знали: если у парня намерения серьёзные, то он сам не допустит, чтобы его невесту

после свадьбы позорили. И девке испытание. Как выдержит, так и по жизни пойдёт. Матери вздыхали: «Пусть милуются пока молодые, кто знает, как жизнь повернётся». А девица, уходя из дома с ночёвкой, видела в материнских глазах напоминание, а в тятенькиных предупреждение. Плётка о двух хвостах всегда висела на крючке у дверей, как символ отцовской власти.

Вечер тянулся долго. Марьюшку втягивали в общий хоровод, и песни она пела со всеми вместе, и семечки щелкала, и смеялась чьим-то шуткам. Викула не было, и она засомневалась: стоило ли отпрашиваться дома. Все расходились. Марья с сёстрами Першиными чистила углы от семечек, водила по полу влажным веником. Пошла во двор похлопать об снег половики-налавники.

Только сошла с крыльца, как попала в объятия Викула. Половики упали к ногам. Он вышел навстречу Марьюшке из-за верхнего приступка. Молча стояли они миг или вечность. Взял Викул Марьюшкины руки спрятал в тепло распахнутой шубейки так, что они сомкнулись у него за спиной, а сама она оказалась у самой его груди. Только рубаха Викула да тонкий Марьин сарафан отделяли их друг от друга.

Ослабли Марьюшкины ноги, прижалась щекой к груди Викула, гулко билось его сердце у самого уха. Заструилось тепло по телу, набухла девичья грудь от телесного волнения. Ладно – в валенках вышла во двор. Мороз напоминал о себе. Нашёл Викул девичьи губы, не тронутые до него волнением, нецелованные. Забыла Марьюшка о половиках. Вошли они с Викулом в сени, спасаясь от мороза и забылись в сладких объятиях. Замёрзли и в холодных сенях. Конец ноября на Урале полновесной зиме равен.

Переступили порог, а там за самоваром сидели сёстры со своими кавалерами. Когда прошмыгнули парни в дом – Марьюшка не видела. Она сконфузилась, было, при свете керосиновой лампы, вспомнила про половики, что уронила во дворе на снег, сбегала за ними, остудив пылающие щёки на морозе, потом села за стол и скрыла смущение за чашкой чая. Викул присел рядом и тоже грелся у самовара. Старики чуток посидели и ушли в свою горенку на покой.

Керосин – удовольствие в деревне недешёвое, и молодёжь сначала убавила фитиль, а потом и совсем потушила лампу. Устроились в полутьме кто где. Ночное светило то пряталось за облаками, то чуть освещало землю. Парочки целовались, смеялись, девицы слегка повизгивали от нечаянной, а может, и нарочитой вольности парней. Кто-то уполз на полати и оттуда доносился приглушённый взволнованный говор и смешок, то затихало всё – целовались, значит, влюблённые.

Викул с Марьей примостились на широкой лавке под полатями. В потёмках ладонь Викула словно невзначай коснулась Марьиной груди, застыла на миг, ожила и слегка сдавила затрепетавшую девичью плоть. Губы Викула поймали и притушили полустон-полувздых. Прошептал глухим от волнения голосом: «Не бойся, Марьюшка, за тебя теперь перед Богом и людьми отвечаю. Сладкая ты моя. Давай на Рождество оженимся. Тяжко мне без тебя. Я с тятёй говорил. Он не против сватов заслать, — добавил со смешком: — Они с матерью уж давно проследили, куда это я по вечерам ухожу, откуда поздно ночью возвращаюсь».

Она сидела на коленях Викула, его руки обнимали Марьюшкины плечи. Верхние пуговицы на кофте разошлись и не созревшая ещё для материнства девичья грудь затвердела в мужской ладони. Огнём доселе неведомых ощущений пронизало Марьюшку от макушки до пяток. Мучительная и сладкая истома разлилась по телу. Она дрогнула и изогнулась в руках Викула. А он только крепче прижал её к своей груди и долгий сладкий поцелуй увёл обоих в томительное небытие.

На полатях и верхнем голбчике тоже притихли, видно, и тем двум парам было томительно и сладко рядом друг с другом. Но вот прокричал ночной петух, предупреждая, что время давно перевалило за полночь. Очнувшись молодые, Викул сказал: «Поспать тебе надо, да и я около тебя подремлю чуток. До утренних петухов дома надо быть».

Она устроилась на широкой лавке. Викул прикрыл её шубейкой, а сам свернул вдвое камышовый коврик, сел на него, положив голову к Марьиной груди. Девичьи руки ерошили его густую и жёсткую шевелюру, гладили шёлк усов и бороды, касались бровей. Она знакомилась с суженым своим, и ей было спокойно и томительно, она готовила себя для будущей жизни с ним и знала, что он не только «жалеть» её будет, но и в обиду никому не даст.

Марьюшка уснула, а Викул ещё долго не тревожил девичий покой, на душе было радостно: он не ошибся, не зря принял за Перепёлочку свою бой с Фёдором. Он знал, что нашёл свою суженую и от своего не отступится.

Ночь на изломе, когда крепко спят деревенские собаки, зарывшись от мороза в конуре, когда до рассветных петухов ещё не скоро, ещё на восходе горизонт не заалел. Не хотелось будить Марьюшку, но и так уйти не было сил. Викул приподнял голову, поправил на спящей шубейку и тихо прильнул к слегка раскрывшимся во сне девичьим губам. Затуманилось сознание от бунтующей крови, корёжилась плоть, томилась, роптала.

Встрепенулась Марьюшка, припухшие от первых поцелуев губки слегка болели, но и искали нежные и страстные губы Викула. Её созна-

ние дремало, уступив место природному инстинкту. Она ринулась навстречу желанию, сметая на своём пути все запреты разума. Да и Викул на какой-то миг тоже потерял над собой контроль. Он жарко целовал губы, шею, розовый цветок девичьей груди под распахнувшейся кофтой...

Но вот она остановилась, слегка съёжилась от стыда, посланного ей во спасение, и он, ещё не в силах укротить свой пыл, прижался лицом к её растревоженной плоти, дожидаясь, когда угомонится сердце. Слегка охрипшим, виноватым шёпотом говорил: «Вот видишь, слаб я перед искушением. Ты, пожалуй, посильнее меня, сладкая ты моя. Может, и этим я тоже счастлив?».

Викул ушёл в темноту ночи, ему ещё восемь вёрст до петухов надо было пройти. А Марьюшка сидела на лавке с открытыми глазами. Долго доходило до её сознания, от какого греха убереглась и что сама чуть Викула до греха не довела. Она поняла в тот миг, «как шатко брёвнышко через проточку», и если удержалась на этом шатком брёвнышке, то только потому, что передавалась ей сила от крови предков её.

Рано утром Анна и Параня тоже проводили тихонько любушек своих. Они не первый раз испытывали себя на крепость, их свадьбы уже были назначены. Насладившись невинной близостью, они засыпали тревожным и томительным сном, сознавая, что скоро придёт время блаженного единения, а до этого мгновения надо потерпеть. Терпеть было радостно, и встречи наедине только сближали будущих супругов.

Сваты от Тулупиных к Перепёлкиным вскорости нагрянули, и между собой родители Викула и Марьи всё обсудили и обговорили. Свадьбу наметили на Рождество. Зимнее время самое свадебное. До свадьбы Викул с Марьюшкой встречались на вечерках, целовались в сенях и у ворот, слегка будоражили кровь желанными прикосновениями, томилась плоть в запретах разума. Но они уже уверовали оба, что «жалеть» друг друга будут до конца дней своих. Марья чувствовала, что Бог даёт ей мужа верного и нежного. И ещё одно: оба они были из семей староверов, а значит ни веры, ни обычаев им менять не придётся. Это тоже немаловажное обстоятельство.

Семейная жизнь

*Молодые Богу обещали
При родителях, в кругу родных,
В радости быть вместе и в печали
И детей воспитывать своих.*

Перепёлкиным Бог дал только дочерей и Марьюшка была самой младшей. После свадьбы Викул увёз жену в Михеевку. А как же!? Не примак ведь он какой-нибудь! Хотя в доме Тулупиных было тесновато. За Викулом шли Онисим и Ульянка. Молодым выделили небольшой угол, занавесив их кровать пологом, но лишний раз молодые боялись пошевелиться и слово сказать. Над кроватью полати, где спали младшие брат с сестрёнкой, на голбчике напротив маялась бессонницей и судорогами ног бабушка Викула Марфа.

Промаявшись так месяца два, Викул усмирил свою мужскую гордость и согласился на предложение тестя переехать в Сосновку и поселиться в опустевшем доме Перепёлкиных. Тулупины смутились было, но положение молодых поняли, тем более, что Марья уже знала – первенца под сердцем носит.

Добротная пятистенка Перепёлкиных с просторными сенями и чуланом показалась молодым раем после многолюдного ещё дома Тулупиных. Правда, Викул не сразу почувствовал стены чужого дома родными, но со временем нашёл общий язык со стариками, не имевшими своего сына. Они привязались к доброму по характеру и деловому зятю, и скоро Викул забыл, что он «примак».

Молодым отвели горницу. Старики, входя к детям своим не стучали, но громко шаркали ногами и «шумели», чтобы не застать их врасплох. Ну да в крестьянских семьях на уединение супругам отводилась ночь. Сельская жизнь не позволяла чрезмерного досуга ни женщине, ни мужчине. Но, и намаившись за день, молодые радовались тому немногому, что отпускала им жизнь.

Может, сознание того, что миг, отпущенный перед сном, принадлежит только им, удваивало и утраивало радость общения. Вот ведь на сенокосе – целый день в жаркой духоте млеющей скошенной травы и сохнущего сена с граблями и вилами. Слава Богу, если ветерок с озера пробежит. Кажется, ещё немного – и не согнуть онемевших от однообразных движений рук, ноги к вечеру наливаются свинцом. Но вот повариха зовёт к ужину.

Молодёжь бежит к озеру сполоснуть пот и сенную пыль, хлебают горячую похлёбку и, чуток отдохнув, заводят песни. Где-то повизгивает девка с парнем. Молодые супруги, посидев для приличия у костра вместе со всеми, тихо удаляются в шалаш. Радостная улыбка, которую в потёмках никто не видит, блуждает на их лицах. Не торопят они миг близости. Раздеваются не торопко, будто безразлично им предстоящее празднество плоти. Зевают, демонстрируя утомлённость свою от дневных работ.

Комаров Викул выкурил дымной веткой ещё до ужина, занавесил холстиной вход в шалаш. Ложится Марьюшка рядом с Викулом, мостится поближе к нему, а он подставляет ей свою руку под голову. Теплота ночи, аромат душистого сена, смешанный с дымком курной ветки. Шуршит сухое сено. Прижимается Марья к Викулу, пахнущему свежестью озёрной воды и здоровым мужским телом, а он свободной рукой пригребаёт её совсем близко к себе. В потёмках не видит он сияния счастливых женских глаз, но всем своим существом чувствует, как стремится её тело навстречу ему, готовое отдать и получить всё блаженство сполна, что назначено им природой.

Не торопится Викул испытать адский огонь желаний. Ему важно почувствовать ответную дрожь Марьюшкиного тела, разметавшегося на грубой ряднине. Он нежно целует, щекочет усами и бородкой налитую женскими соками грудь, ловит с Марьиных губ нежный стон признанья. Изнемогая от переполняющего его восторга, сливается воедино с той единственной и желанной, о которой не может не думать ни днём, ни ночью.

Ещё не прошло ощущение блаженной радости, ещё целуют и шепчут губы ласковое имя жёнушки: «Марьюшка моя, цветик мой лазоревый. Не устану от тебя во веки вечные. Марьюшка, Марьюшка моя, другой раз реветь от радости охота. Так же мне любо с тобой. А тебе любо ли со мной? Не покаялась ли хоть раз, что пошла за меня?».

Удивлялась и не понимала Марьюшка – чего спрашивает, но на откровение такое шептала тихо на ухо: «Любо мне, так любо, что и стыдно самой себя бывает. Может, нельзя так желать мужа, как я желаю, – остановила слова свои, слегка вздохнула: – Покаяться хочу: мне иногда и ночи дожждаться невмоготу, всё о тебе думаю. Молитву читаю – не помогает». Замолчала, затихла.

Всею плотью своей чувствовал Викул, как сладко им обоим, но такие слова от Марьюшки услышать – дорогого стоило – скупа на речи была, только слушала более речистого мужа своего и улыбалась ему в ответ. Викул, разомлев от близости и откровений, приподнялся на локоть, утопил лицо своё на Марьюшкиной груди и новая волна желаний объединила счастливую пару. Не так часто находят мужчина и женщина друг друга на всю жизнь по любви.

Косят траву мужики рано утром: «Коси коса, пока роса». Проспал бы Викул утренний укос, если бы дед Матвей не заглянул в шалаш и не подёргал его за ногу. Молодое «бесстыдство» углядел, лукаво прищурился, вздохнул, вспомнив давно прошедшие годы. А молодые спали не прикрывшись в теплыни летней ночи, утомлённые телесной радостью. Викул прикрыл Марьюшку тонкой рядниной и тихо вылез из шалаша в

утреннюю росную прохладу. От обоюдной радости рожала Марья Викулу наследников и себе помощниц. И разница между детками была в два-три года. Но и в тягости Марья была желанной для Викула. По счастливым Марьиным глазам догадывались бабы, что «жалеет» Викул Марьюшку, а мужики слегка завидовали тому, говорили промеж собой: «Гордится Викул жёнкою, – другие добавляли: – Ещё бы не гордиться, знать, одну из лучших невест в деревне углядел и не упустил. Не уступил бы ему Федька, кабы Марья сама его не выбрала».

Кстати, Фёдор Сугробин вскоре после свадьбы Викула с Марьей исчез из деревни. Марья не сразу услышала про Фёдора, хоть в деревне новости всегда по пятам ходят. Видно, хлопоты и радости семейные отодвинули всё остальное в сторону. Но однажды мать, будто между прочим, уронила: «Федьша-то Сугробин, бают, в Кургане при остроге служит. Ушёл так, что и мать с отцом не сразу узнали, куда исчез. Говорят, похлопотал за него старый отцов приятель, с которым они на турецкой войне вместе воевали. Ну да и слава Богу, что не потерялся в жизни. Он ить так-то славный парень был, – усмехнулась: – Мог мне зятем стать, кабы Викул тебя не углядел».

Марьюшка не вступила в разговор. Ей и самой было жаль Фёдора, и она в душе согласилась с матерью. Но что делать? Она с детских лет ощущала заботу и доброе расположение Фёдора и, не имея своих, почитала его за брата. Может, полюбила бы его и как мужа, не появившись в её судьбе Викул. При этой мысли она вздрогнула: теперь и представить себе не могла жизни без Викула. Счастьем засветились глаза, заалели щёки, дрогнули губы в улыбке, по телу прокатилась волна желания.

В семье Тулупиных Марью приняли сразу и навсегда, да и сваты между собой дружбу вели – чего старикам делить, если дети в мире и любви живут, дарят им совместных внуков и родителей своих почитают. Младшая сестрёнка Викула Ульянка малышей обожала и с радостью водилась с племянниками.

Когда Марья родила первенца, её золовке Ульянке одиннадцать стукнуло. На всю зиму поселилась она в доме брата и тетешкала Фильку, даже ночью вставала, когда уставшая за день Марья не сразу слышала крик младенца. Ульянка пеленала малыша, брала на руки, подкладывала Марье под бок, бубнила: «А мы есть хотим, покормите нас».

Марья смеялась и выговаривала очень заботливой няньке: «Ох, избалуешь ты, Ульянка, парнишку, а мне с ним потом маяться! – обнимала золовку, добавляла: – Вот уж заботливой мамкой станешь». Не знала ещё Марья, что придётся Ульянке всю жизнь радоваться чужим детям, потому что своих ей, по неведомой причине, Бог не пошлёт.

Через два года Марья родила Настёну, а ещё через два Матвея. А вскоре и Ульянку выдали замуж за сына купеческого Мирона Гордеева, который углядел однажды дочь крестьянскую, да и пришёл к её родителям с поклоном. Видно, и Ульянке парень приглянулся, раз пошла за него без принуждения, а по доброй воле и согласию с самой собой.

Одно огорчало Улюшку – что увозил её муж из родной деревушки в город Шадринск. Это хоть и не за тридевять земель, но всё же и не рядом, а значит, и племянников своих, к которым прикипела душой, так часто видеть не сможет. Но свадебная суматоха и надежда на собственных деток отодвинули на время эту печаль. Но вот и четвёртая племянница Анна подрастала в семье брата Викула, уже и из зыбки вылезла, а Ульяна Гордеева всё ещё со страхом уже ждала чуда. Но чуда не последовало.

В каждый приезд в родные места Ульяна привозила племянникам гостинцы и подарки. Дом звенел от детских голосов. Марья с Викулом ждали шестого ребёнка. Пятым был Захарка. Марье больно было глядеть в глаза тоскующей по собственному чаду золовке. Но чем тут можно помочь? Почему-то решили шестую свою дочь назвать в честь тётки Ульянкой. А Ульяна старшая, и так-то любившая своих племянников (особенно девочек), привязалась к младшенькой особой любовью.

То ли подняла тяжело не вовремя, то ли Бог определил ей свою ношу, но после Улюшки Марью спасла от кровотечения бабка повитуха и больше у неё детей не стало. Шестеро деток – это полновесная деревенская семья, где рожали, не прибегая к хитростям цивилизации. Сколько Бог пошлёт – все наши. . Вскоре после рождения Захарки в 1880 году умер Марьюшкин тятенька Никифор Перепёлкин. Однажды на покосе утолил разопревшее нутро холодным молоком, которое опускали в кринке в небольшой колодец с родниковой водой. Знал, что холодное молоко губительно для лёгких. Даже самая холодная родниковая вода только простудит, но не убьёт, а молоко не прощает оплошки. Видно, жажда затмила разум. Только седьмой десяток распечатал Никифор Перепёлкин. Возраст для сельского жителя, что питается трудами своими от земли и на вольном воздухе, не так и велик.

Осиротела Ненилушка Перепёлкина, ну да за заботами о детях и внуках забывала на людях о горе её постигшем. И, только оставшись наедине сама с собой, оплакивала того, с кем прошла по жизни в согласии и уважении, с кем рожала и ставила на ноги обоюдных детей. Это детям легче пережить смерть родителя. Им кажется естественным, когда человек, поживший довольно долго, уходит на вечный покой.

Весна 1887 года ничем особым не отличалась от других вёсен. Начало апреля на Урале радуется теплом. К престольному празднику мужики пробуют на крепость карусельный столб, вешают на колесо, закреплённое на его вершине верёвки, крепят незамысловатые седёлки, чтобы девкам и бабам удобнее было держаться на них, подбирают крепкие и длинные (не менее двух метров) палки с рогатинками на конце. Этими рогатинками кавалеры подхватывают верёвки, на которых в петельном седельце уместились их любушки, и под женский игривый визг раскручивают карусельное колесо.

Каждая деревня отмечает свой престольный праздник, на который съезжаются из других деревень родня и хорошие знакомые. Вот и сосновские готовились к веселью. Бабы пекли хлеба и пироги, надевали нарядные сарафаны, забирали ребятню и шли к карусели. Обменивались новостями, судачили, лузгали семечки. Пожилые и старые находили скамейки у плетня, молодые девки и бабы хороводились и песни пели.

Около молодых жёнок чуть поодаль, особняком, плевали шелуху от семечек парни и мужики. Другая часть мужского населения, доделав утреннюю работу, рядилась в праздничные рубахи, и спешила на покотину, где молодёжь и подростки уже играли в шаровки. В праздники и «большие» мужики тешили себя этой игрой, вспоминая молодость, утирали носы молодым.

В такой праздничный апрельский день ушла Марья на общее веселье. Старший сын Филимон бился со «стариками» в шаровки, ему уже шестнадцать минуло. Матвейка играл со сверстниками в бабки, да и семилетний Захарка от брата не отставал, лез под ноги и под руку, за что иногда получал шалабаны, но терпел – не маленький уж реветь-то.

Четырнадцатилетняя Настёна крутилась среди «больших» девок. За ней потянулась, было, и девятилетняя Анна, но сестра шикнула на неё, и та вернулась к матери и четырёхлетней Ульянке. Тут тоже было хорошо. Марья хоть и не кружилась в хороводе, но с кучкой молодых ещё женщин голосисто выводила хороводные песни. Ей и минуло-то всего тридцать три года. Викулу в это лето тридцать восемь лет исполнялось. Он был вполне зрелым мужем и семьянином.

В это утро Викул замешкался и не успел выйти со двора, как к нему в гости нагрянули два мужика. Он издали ещё понял, что те что-то не поделили и подымались на крыльцо сильно размахивая руками. Михея Пивоварова Викул недолюбливал: хитёр и изворотлив был мужик, да и на руку не всегда чист. Не брезговал Михей ничем. Мог чужую рыболовную мордушку очистить, копёшку сена «невзначай» прихватить, да и часть покоса присвоить. Вторым мужиком, Онуфрием Жердиным, в надежде,

что Викул по справедливости рассудит их спор, тащил Михея к Тулупину, как к мировому судье.

Знал Онуфрий, что и Викул не раз страдал от Михеевой «забывчивости». Сенокос, не заметишь, прикатит, а Михей оттяпал у Онуфрия хорошую делянку у самого леса и колья вбил, ограждая свои угодья. Видать, выпили мужики хмельной браги в честь праздника и тёплого дня.

Поморщился Викул: не вовремя притащились гости, теперь полдня будут нудно корить друг друга. Ему хотелось размять плечи на поскотине в шаровки и силой померяться с мужиками в борьбе: кто кого на лопатки положит, кто кому руку к столешнице прижмёт. Не так часты такие праздники. Да и весенняя страда не за горами. Там уж не до праздников будет.

Может, нежелание Викула заниматься спорным делом раззадорило мужиков, только они, как два петуха, стали наскакивать друг на друга. Может, брага ещё туманила горячие головы, только не слышали спорившие увещеваний Викула разобрать их дело на общей сходке. Как скажет народ – так и будет. В сенях стояли тяжёлые яловые сапоги Викула с железными подковками на каблуках. Хозяин выпроваживал непрошенных гостей. И тут Онуфрий, с виду хилый мужичонка, схватил сапог и хрястнул Михея по голове. Каблук с подковкой пришёлся по виску, удар оказался внезапным и роковым.

Михей уставился на обидчика невидящим глазом, захрипел и повалился на пол замятвом. Онуфрий окаменел, до него трудно доходило свершившееся действие. Но вот страх вернул его к жизни, и он, ещё не отдавая себе отчёта, бросил сапог и стремглав выскочил на крыльцо суматошно махая руками.

Первые звуки выскочили из горла с хрипом, а потом истошный вопль огласил всю деревню. Онуфрий, выкатив глаза на лоб, орал: «Убил! Убил! Убил! – споткнулся о собственный вопль, осознал, что нет свидетелей происшедшего, обернулся к Викулу, показывал на него трясущимися пальцами и захрипел с привыванием: – Он! Он! Викул убил!».

Около ворот собралась толпа. Никто ничего не мог понять, только вопли Онуфрия, переходящие в хриплый плач, неслись с крыльца. Из толпы к воротам пробирался деревенский староста. Викул онемел. Он стоял в проёме дверей. У его ног лежал Михей Пивоваров с пробитым виском, тут же валялся его сапог с окровавленным каблуком и железной набойкой.

Староста, пожилой, но ещё крепкий мужик, распорядился: «Взять обоих и отвезти в участок в Песчаное. Там разберутся, что к чему». В это время к дому прибежала Марья. Ульянку тащила Настёнка. Викула и Онуфрия посадили в дрожки и повезли в Песчаное. Викул так и не

мог сказать ни единого слова. Он словно отрешился от реальной жизни. Повисла Марья на плече мужа, но её оторвали от Викула. Она села на ступеньку крыльца. Никто не верил, что Викул мог убить человека. Все надеялись, что в участке разберутся, но единственный свидетель, он же пострадавший, был мёртв.

Прибежала и Ульяна Гордеева. Она гостила у брата, приехала на два праздничных дня. Прожившая всю юность в деревне, Ульяна всегда была рада простым деревенским праздникам и не упускала случая побывать на них. Одетая в дорогое городское платье, она выделялась в толпе деревенских баб, ловила на себе восхищённые взгляды.

Завистницы перешёптывались: «Надо же, повезло девке. За такого красавчика да богатея выскочила! – и тут же, как бы ненароком, замечали: – Вот только пошто-то деток им Бог не послал». Для бабы это было страшнее всего. Такую и за бабу не считали: так, пустой мешок.

Ульяна прибежала, когда дрожки с Викулом уже выезжали за деревенские ворота на поскотину. Золовка присела ненадолго рядом с Марьей, но быстро сообразила, в чём дело, крикнула подоспевшим племянникам: «Запрягайте моего Воронка!». Она быстро собралась и кинулась вслед за братом в Песчаное.

В Песчаном ничего не добились и тут же уехала в Шадринск, надеясь, что её Мирушка что-нибудь придумает. Она ни на миг не усомнилась в невиновности брата, но и знала, что сам он оправдываться не умеет, а значит, молча примет на себя чужой грех.

Мирон нанял адвоката, но тот вскоре вернулся из Песчаного со словами: «Ничем помочь вашему родственнику не могу. Пострадавший умер, а другой свидетель готов целовать икону, клянётся здоровьем детей и матери, но вины своей не признаёт. В такой ситуации доказать обратное невозможно. Побеждает более эмоциональный».

Викула должны были отправить в Курган, дело, связанное с убийством, рассматривалось губернским судом, но все знали, что приговор будет суровым, скорее всего виновного ждёт каторга. Перед отправкой Марье разрешили короткое свидание с мужем в присутствии конвойного. Сидели они по разные стороны стола. Собрался с мыслями Викул, охрипшим голосом спросил: «Веришь ли ты мне, Марьюшка? Больше ни у кого не спрошу».

Марья словно и не поняла или удивилась вопросу. Ответила мужу: «Одно знаю, что не оставлю тебя ни в горе, ни в радости. Только радость-то у нас теперь с горчинкой будет». Больше до суда у них свиданий не было.

В Песчаном Марье растолковали, что если мужа приговорят к каторге и ссылке в Сибирь, то и она с семьёй может поехать следом за государ-

ственный счёт. Что такой царский указ есть и действует давно. Но она вольна и не ехать. Указ такой от десятого октября 1821 года действительно существовал и силы своей не терял. Царь-батюшка издал его, чтобы упрочить заселение богатых земель Сибири и чтобы с каторги меньше бежали. Куда побежишь, если семья рядом? Да и каторжан после проверки на надёжность отпускали к семьям: ему хорошо и с ним мороки меньше. Многие после каторги врастали корнями в сибирские земли – им просто некуда было возвращаться. Взрослые дети тоже находили там своё место. Так что царский указ не был бессмысленным.

Это жёнам декабристов чинили препятствия, лишали их дворянских титулов и привилегий, повелевали отказаться от собственных детей. Декабристов причислили к разряду политических, поднявших руку на самого помазанника божьего. А простой крестьянке разрешали следовать за мужем со всеми отпрысками, хотя на такое шли далеко не все.

Марьюшка тут же стала хлопотать о том, чтобы разделить судьбу мужа и поехать за ним куда скажут. Ульяна ахнула, когда узнала о решении невестки, приехала к ней. Долго не могла понять: как это с такой оравой можно решиться на такое безумие? Но Марья дала понять золовке, что решение твёрдое и обсуждению не подлежит. Знала Ульяна характер Марьи и тратить свои силы на уговоры не стала. Одно заботило Ульяну Гордееву, да на серьёзный разговор решиться было трудно.

Но вот потекла сбивчивая речь, как вода в порожиистой реке: «Марья, отдай нам с Мироном Ульянку. Мала девчонка. Сибирь страна огромная. Куда Викула отправят? В какую даль и глухомань? Довезёшь ли девчонку до места? – неосознанно укорила: – Ить у вас с Викулом ещё пятеро остаётся. И так горя хлебнёшь. Разве решилась бы просить о таком, кабы не такое горе? Себя не жалко, так хоть дочь пожалей».

Марья слушала золовку, не перебивала: каждому высказаться необходимо, а потом тихо уронила: «Не одна судьбу дочери решаю, как Викул скажет». Сказала-отрезала и больше к этому разговору не вернулась.

А свидание Марье с Викулом разрешили только после суда, приговорившего его к работам на Нерчинской каторге с последующим поселением в Сибири. Дальнейшую судьбу должна определить власть на месте, и всё будет зависеть от его, Викула Тулупина, благонадёжности, смирения и послушания.

На этот раз мужу и жене дали время поговорить, хотя надзиратель и находился поблизости. Марья тихим ровным голосом передала Викулу просьбу сестры. Потупился Викул, заходили желваки на осунувшихся скулах, захрипел голос. Сквозь стиснутые зубы проговорил-проскрипел: «В долгу я, Марьюшка, перед Богом и судьбой. Такая, как ты, в награду даётся. Не вправе просить тебя ехать за мной, хоть и знаю

– умру я без вас на другой же день. Ваши жизни дороже моей. Знаю и то, спорить с тобой тоже смысла нет. Поступишь, как решила... – задрожал голос, потеплел: – Прости, Марьюшка, но нет моего на то согласия. Кровинка она наша, а отдадим – сами себе потом не простим, часть души тут оставим».

Впервые за много дней потеплели Марьины глаза, тоже налились слезой: «Другого ответа от тебя и не ждала, – окреп голос: – О нас не бойся, выправим бумаги и двинемся. Избу продавать не станем, может, ещё вернёмся все обратно, – глянула в карие Викуловы глаза, добавила: – Везде люди живут, вот и мы, чай, не в пустошь какую едем. Говорят, водой нас всех повезут. Сроду парохода не видела, а тут, в Кургане, на пристань сходила. Чудно. Вот и ребята наши другие края увидят».

Она сняла печали с Викула и сама успокоилась рядом с ним. Уже не казалось ни ей, ни ему горе неизбывным, когда есть его с кем разделить, когда есть рядом надёжный друг сердечный.

За воротами тюрьмы её остановил служивый. Только приглядевшись, Марья признала в нём Фёдора Сугробина. Бритый подбородок, непривычный и неприличный для деревенского мужика, смутил Марью-староверку. Только пристальный, слегка насмешливый Федькин взгляд заставил Марью узнать в служивом своего бывшего воздыхателя, что бился за неё когда-то с Викулом. Уж больше семнадцати лет с той поры минуло.

Фёдор шёл рядом, наконец выдавил: «Здорово живёшь, Марья Никифоровна. Не чаял с тобой свидеться, да, видно, пришлось. Я давно тебя углядел и про беду вашу наслышан, да как-то подойти к тебе не решался».

Марья откликнулась на приветствие: «Здорово живёшь, Федя. К чему нам с тобой величанья? Аль не из одной мы с тобой деревни, аль не рядом когда-то жили? Или ты теперь большим начальником стал? А если и так – для меня ты всё одно Фёдором Сугробиным останешься. А что беда на нас с Викулом обрушилась, так то верно. Думаю, не радуешься нашему горю. Злым ты никогда не был. Сам-то свою жизнь как устроил?». Они шли в сторону постоялого двора, где Марья остановилась, приехав к Викулу. Ей оставалось ещё получить последние документы, разрешающие ей с детьми следовать за мужем. Сказали, если поспешит, то одним транспортом можно угадать.

Фёдор комкал в руках форменный картуз. Но вот опять заговорил: «Я ни на тебя, ни на Викула обиды не держу. А ушёл тогда из деревни, так невмоготу мне было, свету белого невзвидел, боялся, что сгоряча глупость какую сотворить могу. Уж больно круто жизнь повернулась. Я ждал тебя и оберегал, а он пришёл и забрал. Обидно и зазорно мне то-

гда было: невесту из-под носа увели. Чо уж теперь старое ворошить. А про вас я всё знаю. Повезло Викулу. Что делать? Знать на роду мне написано другой дорогой без тебя ходить».

Столько печали было в голосе Фёдора, что Марья не сдержалась: «Прости ты меня, Федя. Я тебя за брата почитала. Сколь помню себя, ты всегда рядом был. Большой, сильный, добрый. Я ить к тебе с жалобами на обидчиков бегала, и ты всем, кто меня обижал, укорот давал. А потом уж и знали все моего заступника. Кто бы посмел на меня косо глянуть? – Марьин голос потеплел, воспоминания детских лет вызвали грустную улыбку: – Нутром-то я понимала, что глянусь тебе, только ты ни разу не попытался доказать мне, что я тебе любя. Проглядел ты, Федя, как я невестой стала, а Викул вовремя меня приметил и не отступился. Ну да прости ты меня, я ить тогда сама выбор сделала... И теперь не жалею о том. Про тебя в деревню тоже слухи доходят. Говорят, женился ты и детки тоже растут. И слава Богу».

Они подходили к постоялому двору. Фёдор остановился, поднял на Марью глаза, чуть охрип голос: «Да, слава Богу, помогли добрые люди, да и у самого ума хватило не порушить свою жизнь, не возложить на вас невольный грех. Теперь уж у меня две дочери, да третьим в тягости моя Анфиса Петровна. Сына всё ждём и надеемся. И всё же, – Фёдор отвернул глаза в сторону: – Тебя не могу забыть. Анфису обнимаю ночью, а тебя на её месте вижу. Грех это, нутром понимаю, а избавиться от видения не могу, – скривились губы, в упор глянул в Марьины глаза: – Так и живу с двумя. Никакие молитвы не помогают. Ладно, прощай. Хоть изредка вспоминай там, в дальней стороне, Федьку Сугробина».

Марья не опустила глаза, молча дослушала Фёдоровы откровения, рассказала о своих мытарствах. Фёдор на миг задумался: «Я тебе с бумагами помогу. Крючкотворов кое-каких я знаю, они дело твоё ускорят. Транспорт торопят, потому как Тобол может обмелеть после паводка, тогда до Шадринска посуху придётся добираться, а сибирское лето короткое, надо успеть по теплу до места добраться». Он ушёл, а Марья ещё долго смотрела ему вслед.

Дальняя дорога

*В рудники, на каторгу, в Сибирь
Шла за мужем-бунтарём дворянка,
В рудники, на каторгу, в Сибирь
С малыми детьми пошла крестьянка.*

Матушка Ненила совсем сдала. Она как-то незаметно сгорбилась и усохла. Теперь, когда Марья решила ехать вслед за Викулом, она совсем притихла, отрешилась от повседневных забот. В неизвестность ехать ей было не по силам. Решили избу заколотить. Ненилу забрала средняя дочь Меланья, что жила со своей семьёй в деревеньке Утичье.

Времени на сборы было мало. Фёдор ускорил хождение бумаг. Марье с семьёй предписывалось в первых числах июня прибыть в Курган. Она продала скотину и птицу. Что нельзя было взять с собой, сёстры забрали себе для сохранности. Проводить Марью до Кургана приехала Ульяна Гордеева. Они с Онисимом (братом Викула и Ульяны) на двух подводах повезли Марью с детьми в Курган, чтобы там посадить на пароход.

Каторжан в кандалах грузили в баржу, приспособленную специально для перевозки заключённых. Семьи, что направлялись вместе с мужьями в добровольную ссылку, везли пароходом в каюте третьего класса. Попечителем над добровольными переселенцами ехал полицейский пристав. Их обязаны были кормить в дороге, а по прибытии на место нового проживания пристав должен был сдать прибывших местным властям.

В бумагах говорилось, что прибывших на новое место должны были снабдить жильём, выдать на руки денежное пособие и надзирать за ними, пока семьи не станут добывать себе на жизнь трудом. Чтобы прибывшие семьи не стали для государства обузой, властям на местах надлежало трудоустроить всех, кто к труду был способен.

Всю дорогу до Кургана, да и до пристани, Ульяна Гордеева не без тайной надежды усиленно заботилась о маленькой Ульянке: может, сама крестница потянется к тётке, а Марья в последний момент переменит решение и оставит малышку, не повезёт с собой. Но надежда не оправдалась. Как только они приехали на пристань, Улюшка не отпускала руку старшей сестры Настёны, своей основной няньки и воспитательницы.

Пыталась Ульяна дать Марье денег, но та обняла золовку, уронила на плечо набежавшую слезу, сказала тихо: «Спасибо, Ульянушка, мы и так у тебя в долгу. Спасибо, ты и так, как никто, за нас болеешь и хлопочешь. На што нам деньги? На всём готовом едем, по всем правилам и законам, значит, в беде нас не бросят и пропасть не дадут. Видела, какой служивый нас караулить и кормить будет? Пимы, шубейки и шапочки на зиму мы с собой взяли. Думаю, что по теплу доберёмся до места, а там поймём, куда нас судьба определила. Одно знаю и надеюсь